

О ПЕРВОБЫТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЪ.

(Рѣчь проф. Хлѣбникова).

ММ. ГГ.

Позвольте мнѣ, на нѣсколько времени, оторвать ваше вниманіе отъ тревогъ и шума современной жизни, отъ широкихъ интересовъ современнаго общества, чтобы спуститься въ глубь вѣковъ, къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда только что начали складываться общества и государства. Какъ ни далеки отъ насъ эти времена, какъ ни мало сходства въ тогдашнемъ устройствѣ общества съ нынѣшнимъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, интересы этого общества всегда должны быть занимательны для мыслящихъ людей, потому что въ этомъ первичномъ обществѣ положены основы, фундаментъ современнаго намъ устройства. Въ это время зарождается верховная власть, столь необходимая для всякаго общества, безъ которой невозможно его существованіе; въ это время кладутся основы собственности, появляются семейства, появляются различія въ общественномъ положеніи, словомъ, всѣ тѣ элементы, которые составляютъ существенныя черты современнаго общества. Еслибы мы могли проникнуть въ причины этихъ великихъ явленій, то для насъ объяснилось бы многое въ строѣ современнаго общества, основы котораго положены въ глубокой древности.

Въ самой сильной, тѣснѣйшей зависимости общество находится, на всѣхъ степеняхъ культуры, отъ экономическихъ условій, или, говоря проще, отъ способовъ питанія. Всѣмъ политическимъ измѣненіямъ въ устройствѣ общества всегда предшествуютъ измѣненія въ способахъ

пріобрѣтенія и раздѣленія богатствъ, которыя даетъ человѣку окружающая его природа. Эта зависимость еще рѣзче видна на первоначальныхъ ступеняхъ быта. Три первобытные способа питанія, охота, скотоводство и земледѣліе сопровождаютъ три различныхъ политическихъ устройства.

Самое грубое первобытное устройство представляютъ общества, питающіяся посредствомъ охоты или рыбной ловли. Такое племя, которое питается охотой или рыбной ловлей, должно постоянно измѣнять мѣсто жительства, иначе оно помретъ отъ голода. По наблюденіямъ путешественниковъ, для питанія небольшого племени въ 300 или 400 лицъ, занимающихся охотой, необходимо пространство нынѣшней Франціи. (Comte. *Traité de leg.* t. 2. p. 273). Какъ ни бѣденъ и жалокъ бытъ такихъ племенъ, однако уже здѣсь проявляется понятіе права собственности. У рыбачьихъ племенъ, живущихъ у полярнаго моря, рыбу дозволяется ловить каждому, гдѣ ему угодно, но не только пойманная рыба, даже выброшенная изъ моря вещь, вездѣ принадлежитъ тому, кто первый до нея дотронулся; для этого ему стоитъ положить на нее какой нибудь знакъ. Если тюлень, раненый однимъ охотникомъ, убитъ и послѣ будетъ пойманъ другимъ, тѣмъ не менѣе его трупъ принадлежитъ убившему. Если бы два охотника въ одно время поразили оленя, то онъ принадлежитъ тому, чья стрѣла попала ему въ сердце. (Klem. *Alg. Cult. Gesch.* in 2., p. 294). Такія племена не имѣютъ почти никакого политическаго устройства; они подчиняются вождю только на время, для какого нибудь предпріятія или для защиты. Въ это время они подчиняются вождю, какъ настоящая дисциплинированная армія, но лишь кончается предпріятіе, кончается и власть вождя. Въ мирное время вожди не имѣютъ никакой власти, даже судебной; каждый долженъ защищать самъ себя. Даже участіе въ общихъ предпріятіяхъ ни для кого не обязательно. Каждый членъ племени есть полный хозяинъ и повелитель своихъ женъ и дѣтей, пока послѣдніе не подросли и не сдѣлались сами охотниками. Никакой нравственной семейной связи здѣсь еще не существуетъ; сынъ, сдѣлавшись взрослымъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на своего отца. Хотя я говорилъ, что понятіе собственности существуетъ, но ему подчиняются лишь тѣ, которые хотятъ его признавать. Такъ какъ не существуетъ никакой центральной власти въ мирное время, то часто физически сильные отбиваютъ добычу у слабыхъ и даже убиваютъ ихъ. (Comte. *Tr. de leg.* t. 2. c. 279).

Вотъ первая ступень общественной организаціи; едва мы найдемъ въ ней слабые зачатки политическаго устройства. Общество такъ слабо, что оно готово каждую минуту разложиться. Но даже въ это время мы находимъ уже нѣкоторыя великія, человѣческія начала; такъ, по отзывамъ

путешественниковъ, дикій не подчиняется власти по ложно понятому чувству индивидуальной свободы и личной гордости. Право собственности, какъ мы видимъ, иногда понимается очень тонко.

Перейдемъ теперь ко второй степени развитія.

Другой порядокъ вещей мы находимъ у народа, который питается посредствомъ скотоводства. Здѣсь мы найдемъ болѣе сильную власть, признанное право собственности даже по смерти собственника, въ лицѣ его дѣтей, начала нравственнаго развитія человѣка въ родовомъ устройствѣ и наконецъ начала общественного неравенства.

Тотъ геніальный охотникъ, который сдумѣлъ сдѣлать ручнымъ и заставилъ ходить за собою дикаго буйвола, козъ и овецъ, является лицомъ богатымъ и обезпеченнымъ среди охотниковъ. Къ этому обезпеченному лицу охотно идутъ въ слуги, или, что тоже въ это время, въ рабы, многіе изъ охотниковъ въ періоды голодовокъ, которыя составляютъ неразлучныхъ спутниковъ охотничьяго быта. (Klem. Cult. Gesch. v. II. p. 229). Этотъ богатый, обезпеченный владѣтель стадъ, пользуясь своимъ положеніемъ, имѣетъ нѣсколько женъ и наложницъ, что дозволяетъ ему скоро приобрести многочисленное потомство. Этотъ патриархъ дѣлается такимъ образомъ домовладыкой и государемъ своихъ женъ, дѣтей, внуковъ и рабовъ. Онъ есть судья, воевода и первосвященникъ своего рода, члены котораго подъ его властію привыкаютъ повиноваться, признавать сознannую имъ правду закономъ для себя, привыкаютъ уважать боговъ-покровителей рода, которымъ поклоняется патриархъ. Такимъ образомъ, въ этомъ первичномъ родовомъ устройствѣ въ человѣкѣ пробуждается религіозное сознаніе, зараждается юридическій обычай, первое проявленіе правовой идеи; наконецъ, вмѣстѣ съ обезпеченностію пробуждается чувство благожелательства къ другимъ въ видѣ гостепріимства.

Выше мы предположили, что одинъ охотникъ создаетъ патриархальное устройство среди дикаго быта; но обыкновенно разомъ возникаетъ нѣсколько такихъ родовъ,—фактъ, ведущій къ замѣчательнымъ послѣдствіямъ. Патриархъ-родоначальникъ избраннаго нами племени беретъ своихъ женъ у такихъ же патриарховъ, а жены, взятны имъ изъ своихъ рабынь, носятъ имя наложницъ. Рангъ матери переходитъ на дѣтей. У пастушескаго племени кафровъ мы находимъ всѣ эти явленія. Всѣ сыновья родоначальника, рожденные имъ отъ женъ, суть наслѣдники его достоянства и имущества; дѣти, рожденные рабынями патриарха отъ его рабовъ, въ одно время съ которымъ либо изъ его сыновей, дѣлаются его рабами. Дѣти, рожденные патриархомъ отъ наложницъ, получаютъ свободу и подарки отъ патриарха. (Klem. v. III. p. 323). Подобныя же явленія мы находимъ въ библейской исторіи. Патриарху Аврааму наслѣдуютъ въ его дос-

тоинствѣ лишь дѣти, рожденныя отъ того же племени. Старшая жена Авраама, Сарра, есть сестра его и отъ нея происходитъ почетнѣйшій родъ. Ея сыновья получаютъ отъ Авраама всѣ стада его, а сыновья наложницъ лишь подарки. (Быт. Гл. XXV). Каждый законный сынъ въ пастушескомъ племени образуетъ новый родъ. Изъ этихъ родовъ образуется первичное государство. Самую высшую степень развитія этой формы мы находимъ у бедуиновъ. Бедуины, тоже пастушескія племена, образуютъ такія первичныя государства. Нѣсколько родовъ съ своими родоначальниками избираютъ одного изъ родоначальниковъ главнымъ, или великимъ шейхомъ, которому и подчиняются. Но это подчиненіе очень слабое и нисколько не уменьшаетъ значенія самихъ родоначальниковъ. Общество раздѣляется на два класса: благородныхъ и рабовъ. Хотя великій шейхъ бедуиновъ почти не имѣетъ судебной власти, но въ родовомъ устройствѣ, котораго теперь достигло общество, человѣкъ получаетъ въ это время уже нѣкоторое обезличеніе своей личности, потому что въ родовомъ устройствѣ у человѣка развивается понятіе солидарности и всѣ члены рода проникаются сознаніемъ обязанности мести за убитаго. Но месть за менѣ важныя оскорбленія все еще остается на обязанности каждаго. (Comte. t. 3. p. 7).

Это политическое устройство, котораго достигли бедуины, есть типъ первобытнаго родового государства. Отличительной чертой этого государства служить то, что его составныя части суть не индивиды или семейства, а роды. Оно есть ничто иное, какъ федерация родовъ, такъ какъ каждый родъ въ свою очередь образуетъ маленькое государство, въ главѣ котораго стоитъ патриархъ. Послѣ смерти патриарха, его дѣти раздѣляютъ имущество и образуютъ новые роды. Такое типическое родовое государство можетъ держаться только у кочевыхъ народовъ; какъ скоро они переходятъ къ земледѣлю, оно измѣняется и принимаетъ другія формы.

Перейдемъ теперь къ третьей формѣ — къ государству у земледѣльческихъ народовъ.

Переходъ изъ охотничьяго быта въ пастушескій могъ совершиться даже тогда, если отдѣльная личность или семья успѣла сдѣлать домашними стада рогатаго скота. Переходъ пастушескихъ кочевыхъ племенъ къ земледѣлю долженъ былъ совершаться цѣлыми родами и даже племенами, что вытекало изъ условій первобытнаго земледѣлія. Когда племя переходитъ изъ пастушескаго быта къ земледѣлю, оно обыкновенно еще владѣетъ весьма несовершенными орудіями для борьбы съ природой.

Робертсонъ, извѣстный писатель, собравшій свѣдѣнія о культурномъ состояніи первобытныхъ американцевъ, во время открытія Америки,

говорить, что въ это время они еще не знали употребленія желѣза и работали каменными орудіями; чтобы срубить дерево каменнымъ топоромъ былъ нуженъ мѣсяцъ работы, чтобы выдѣлать лодку—годъ, чтобы распахать небольшое поле, покрытое лѣсомъ, нужны усилія цѣлаго племени. (History of America т. 1 стр. 177). Если пастушеское племя переходитъ къ земледѣлію, то формы его политическаго устройства на первый разъ остаются тѣже, съ небольшими измѣненіями, вытекающими изъ сущности новыхъ условий. Землю, на которой селится племя, оно рассматриваетъ какъ общую собственность и дѣлитъ ее между родами. Въ политическомъ отношеніи остаются тѣ же формы, то есть во главѣ племени стоитъ князь, а родами управляютъ родовые старшины. Но очень скоро подъ этими формами начинаетъ вырабатываться совершенно иное содержаніе. Прежде всего первобытные, естественные роды, при лучшихъ средствахъ питанія, очень скоро растутъ и обращаются въ колѣна, или искусственные роды. Тотъ естественный родовой характеръ, который связывалъ членовъ рода, теперь становится уже невозможнымъ; вмѣсто связи родственной теперь должна появиться связь общественная, политическая, которая однако долгое время удерживаетъ многія черты, заимствованныя изъ естественнаго родового быта. Начальники этихъ родовъ уже не старшіе въ родѣ, но выборные изъ какой либо фамиліи, пріобрѣтшей общее уваженіе. Государство этого періода становится уже соединеніемъ не естественныхъ, но искусственныхъ родовъ и можетъ быть названо: „искусственно-родовое государство“.

Въ этой степеніи развитія государство имѣетъ особую центральную организацію и особую организацію колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Въ главѣ центральной организаціи стоитъ князь съ военно-судебной и отчасти административной властью, но главный пунктъ тяжести, такъ сказать, все еще поκειται въ организаціи искусственныхъ родовъ или колѣнъ. Но въ организаціи колѣна происходятъ два въ высшей степени важныя измѣненія. Первоначально колѣна, при несовершенствѣ земледѣльческихъ орудій, должны работать сообща, чтобы обработать сколько нибудь достаточный для пропитанія участокъ земли и плоды трудовъ дѣлять между всѣми участниками предпріятія. Но какъ только земля освобождена изъ подъ лѣса, какъ только человѣкъ нѣсколько пріучается къ работѣ, онъ спѣшитъ выдѣлать себѣ участокъ изъ общей собственности рода и работать лишь для своей семьи. На развалинахъ общей родовой собственности образуется собственность семейная, хотя идея общей принадлежности земли роду еще долго остается, какъ памятникъ старины, безъ существеннаго значенія. Такимъ образомъ, въ коммунальной формѣ общество остается только короткій періодъ и спѣшитъ оста-

вить его, какъ скоро является возможность, какъ форму, несвойственную его природѣ. Въ XVI столѣтіи іезуиты въ Парагваѣ хотѣли удержать эту переходную форму, но довели управляемый ими народъ до такого огулнѣнія и индиферентизма къ жизни, что путешественники называли Парагвай государствомъ рабовъ и наконецъ сами іезуиты были прогнаны возмущившимся народомъ. (Comte. Traité de legisl. t. IV. ch. XXXIII).

Посмотримъ на примѣры подобной организаціи государствъ.

У негритянскихъ народовъ Африки, стоящихъ на этой степени развитія, княжеское достоинство по большей части наследственно въ извѣстномъ семействѣ, приобрѣтшемъ себѣ издавна права первенства. Но наследство трона рѣдко идетъ по прямому колѣну, а по большей части наследуютъ дѣти сестры; вслѣдствіе недовѣрія къ женщинамъ, племена думаютъ этимъ способомъ наследованія быть увѣренными, что ихъ князья, хотя по женской линіи, происходятъ отъ княжескаго рода. (Waitz. Antropologie der Naturvölker t. 11 p. 131, 2 t. III p. 124). Иногда князья замѣщаются посредствомъ выбора, но эти выборы происходятъ изъ членовъ извѣстной фамиліи и весьма рѣдко изъ членовъ вообще богатыхъ, аристократическихъ родовъ. У нѣкоторыхъ народовъ существуютъ два князя, изъ которыхъ одинъ есть военачальникъ, а другой занимается мирными дѣлами общаго управленія (Waitz t. III p. 124-5).

Власть князя все еще остается весьма слабою, потому что князья дѣлятъ ее съ главами родовъ, но, тѣмъ не менѣе, она получаетъ теперь нѣкоторые существенные атрибуты верховной власти. Во первыхъ, князья получаютъ судебную власть и стремятся ограничить родовую месть и самоуправство индивидовъ. Власть князя на столько усиливается, что онъ иногда даже казнить смертію нарушителей мира. Какъ бы для того, чтобы показать обществу, какъ необходима власть, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, едва только умираетъ князь, какъ начинались разбой, грабежъ и всякаго рода безчинства, прекращавшіяся съ выборомъ новаго князя (Waitz t. II p. 143). Около князя теперь появляются нѣкоторые чиновники. Такъ, у одного первобытнаго малайскаго племени въ Австраліи, Менагнабао, подлѣ князя стоятъ два министра: одинъ для религіозныхъ дѣлъ, другой для юстиціи. Главный же совѣтъ націи обыкновенно состоитъ изъ князя и главъ родовъ. (Waitz t. V p. 139).

Гораздо замѣчательнѣе и разнообразнѣе устройство колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Самое первобытное устройство, когда земля, считающаяся общей собственностью, обрабатывается сообща и плоды дѣлятся по частямъ между участниками, находится у нѣкоторыхъ африканскихъ и американскихъ племенъ. (Waitz. t. II, p. 84). Но когда эта ступень быта исчезаетъ, то земля все еще считается собственностію

рода. Такую форму мы находимъ у поименованнаго выше малайскаго племени Менангнабао, на островѣ Суматрѣ. Роды или суку считаются тамъ настоящими собственниками земли, которую они заняли съ незапамятныхъ временъ, но каждая семья имѣетъ въ наслѣдственномъ пользованіи особый участокъ земли. Этимъ участкомъ семья или, лучше сказать, ея глава, распоряжается по произволу, т. е. продаетъ, даритъ, отдаетъ въ аренду, но съ согласія рода или его главы. Согласіе главы рода необходимо для обработыванія незанятой земли по близости деревни или въ полѣ, но разграничить землю лѣсную можетъ каждый. Если семейство умираетъ, то земля переходитъ въ родъ, который часто уступаетъ ее за извѣстное вознагражденіе члену другаго рода (Waitz t. V, p. 141). Точно также, у негритянскаго племени Крузъ земли разсматриваются какъ собственность родовъ, но ими владѣютъ на самомъ дѣлѣ семейства и передаютъ по наслѣдству какъ собственность. Въ отношеніи политическаго устройства въ родовой организаціи также происходитъ большія измѣненія, хотя остаются еще многія черты первобытнаго устройства. У приведеннаго выше племени Менангнабао во главѣ родовъ стоятъ пангулусы, званіе которыхъ наслѣдственно въ извѣстной фамиліи: они—судьи и администраторы родовъ. Члены рода обязаны повиноваться имъ; они даютъ имъ ежегодно подарки, помогаютъ имъ въ устройствѣ свадебъ и на свой счетъ празднуютъ ихъ похороны. Они смѣняются родомъ только за грубое нарушеніе родовыхъ обычаевъ.

Нѣкоторые племена, находясь въ формѣ искусственно родовыхъ государствъ, образуютъ племенные союзы. Весьма замѣчательный типъ такого устройства составляетъ союзъ Прокезовъ. Союзъ этотъ состоялъ изъ пяти племенъ, имѣвшихъ каждое свое независимое искусственно-родовое государство. Центральное правительство состояло изъ собранія родоначальниковъ, причемъ каждое племя имѣло одинъ голосъ, хотя число родоначальниковъ у каждаго племени было различно, отъ 8 до 14 членовъ.

Четвертую и послѣднюю форму первобытныхъ государствъ составляютъ первобытныя сословныя княжества, потому что существенной, составной частью такихъ государствъ являются уже не искусственные роды, а общественные элементы въ формѣ слабо организованныхъ сословій. Эта форма по своему существу уже близко родственна формѣ современныхъ государствъ. Она происходитъ двоякимъ образомъ: или посредствомъ измѣненія искусственно-родоваго государства, или посредствомъ завоеванія одного племени другимъ. Существенную особенность этой формы составляетъ то, что она допускаетъ самую разнообразную организацію центральной власти, т. е. верховная власть можетъ находиться

въ рукахъ князя, аристократіи и даже цѣлаго народа. Существенное отличіе отъ современныхъ государствъ при этомъ состоитъ въ небольшомъ пространствѣ земли и немногочисленности населенія этихъ первобытныхъ государствъ. При этой формѣ колѣнное устройство совершенно преобразуется въ административный округъ, или вотчину аристократовъ.

Главная, существенная причина упадка искусственно-родовой формы, сейчасъ нами разсмотрѣнной, заключается въ экономическомъ устройствѣ колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Мы оставили колѣна тогда, когда у нихъ на развалинахъ коммунальной собственности образовалась собственность посемейная. Но эту форму мелкой, посемейной собственности удастся удержать лишь нѣкоторымъ племенамъ; наоборотъ, почти всегда поземельная собственность скопляется въ рукахъ одной или нѣсколькихъ фамилій, успѣвшихъ захватить власть въ родѣ, а масса свободныхъ собственниковъ переходитъ въ классъ полусвободныхъ и даже рабовъ. Причина этого факта заключается въ увеличеніи народонаселенія, причемъ мелкіе поземельные участки раздробляются до такой степени, что они уже не могутъ прокормить своихъ собственниковъ, которые продаютъ участки и переходятъ въ работники къ богатымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, во главѣ колѣнъ становятся аристократы, а съ преобразованиемъ колѣннаго устройства преобразуется и центральное. Изъ княжества образуется аристократія или олигархія. Такъ, у одного африканскаго племени Бассуановъ земля принадлежитъ аристократамъ, бывшимъ прежде родовыми старѣйшинами; всѣ живущіе на землѣ обязаны давать имъ часть жатвы, но, какъ люди свободные, они имѣютъ право оставить земли одного аристократа, чтобы перейти на земли другого. (Waitz t. II, p. 347). Такое же явленіе замѣчалось у черкесовъ. У черкесскихъ племенъ есть три класса: владѣтелей или князей, свободныхъ людей и рабовъ. До войны съ Россіей черкескіе князья владѣли почти всей землей, принадлежащей свободнымъ родамъ и превратили свободныхъ людей въ классъ полусвободныхъ работниковъ, обязанныхъ отдавать часть жатвы. (Klemm. t. IV, p. 55).

Племя Крузъ и нѣкоторые другіе негритянскія племена успѣли сохранить въ родахъ посемейную собственность и изъ первобытныхъ княжествъ образовались тамъ маленькія республики. Замѣчательно политическое устройство племени Крузъ. Здѣсь верховная власть находится въ рукахъ совѣта, состоящаго изъ главъ родовъ. Этотъ совѣтъ рѣшаетъ важнѣйшія политическія дѣла. Рядомъ съ совѣтомъ главъ родовъ, стоитъ совѣтъ всѣхъ свободныхъ людей, въ рукахъ которыхъ находится законодательная власть. Администрація находится

въ рукахъ четырехъ чиновниковъ, изъ которыхъ два засѣдаютъ въ совѣтѣ старѣйшинъ и два другіе—въ общемъ совѣтѣ.

Подобныя же этому формы первобытнаго сословнаго княжества, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, образуются тогда, когда одно племя завоевываетъ себѣ другое и его жителей превращаетъ въ рабовъ.

При этомъ земля побѣжденнаго племени дѣлается собственностію завоевателей и дѣлится между ними. И здѣсь общія причины создаютъ общія формы, безъ отношенія къ расамъ, такъ что оцнѣ и тѣже формы мы находимъ у малайскихъ, негритянскихъ и американскихъ племенъ. Такъ малайцы на островахъ Дружбы создали истинно феодальное княжество. Во главѣ княжествъ стоятъ король и военачальникъ; вся земля раздѣляется на округа, находящіеся въ подчиненіи у двоихъ военачальниковъ, которые по степенямъ подчиняются одинъ другому и всѣ подчинены королю. Побѣдители составляютъ аристократію, на которую работаютъ побѣжденные племена. (Comte t. II, p. 363). Подобныя же учрежденія находятся у африканскаго племени Конго и американскаго племени Валтоніосъ.

Таковы формы первобытныхъ государствъ у народовъ, доселѣ находящихся на первой степени цивилизаціи, или находившихся на ней въ моментъ описанія путешественниковъ. Теперь мы обратимся къ древнѣйшему періоду историческихъ народовъ, чтобы, по сохранившимся остаткамъ изъ ихъ исторіи, убѣдиться, что и они проходили эти же періоды.

Изъ древнѣйшихъ восточныхъ народовъ всего болѣе мы знаемъ о родовомъ устройствѣ евреевъ.

Мы видѣли выше, что во времена Авраама евреи находились въ пастушескомъ бытѣ. Родоначальникъ дѣлилъ свое богатство между законными сыновьями отъ почетнѣйшихъ женъ, которые образовали новые роды. До такого сложнаго устройства, какое мы видѣли у бедуиновъ, евреи не успѣли дойти, потому что голодъ заставилъ ихъ переселиться въ Египетъ. Въ Египтѣ они перешли къ земледѣлію, что повело къ образованію искусственныхъ родовъ или колѣнъ. Здѣсь они должны были пройти степень первобытнаго коммунизма, отъ которой евреи сохранили въ древнѣйшемъ своемъ законодательствѣ идею принадлежности земли колѣну. Когда евреи вышли изъ Египта, они находились въ моментѣ искусственно-родоваго государства, потому что раздѣлялись на семьдесятъ родовъ, управляемыхъ старшинами. Были ли старшины выборными или наслѣдственными въ извѣстной фамиліи—это неизвѣстно. Моисей регулировалъ родовое устройство, сдѣлавъ изъ него тысячи, сотни и десятки. (Исх. Гл. XVIII,

XXIII, XXIV). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, вѣроятно послѣ завоеванія, изъ союза нѣсколькихъ, болѣе близкихъ родовъ образовались племена, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные племенные князья (Числ. гл. XXXVI). Идея о принадлежности земли колѣну выработалась въ очень оригинальную форму. Земли, занятая евреями, принадлежитъ Богу, а потому никто не можетъ пріобрѣсти ее навсегда, такъ какъ всѣ евреи суть колонисты Бога. (Лев. гл. LXV стр. 23 и 24). Вся завоеванная земля раздѣлялась между колѣнами или племенами, которые были настоящими собственниками. Еврей, принадлежащій какому либо колѣну, никогда не терялъ правъ на землю своего колѣна. Всякій членъ чужаго колѣна могъ пріобрѣсти участокъ земли въ чужомъ колѣнѣ только въ пользованіе, на промежутокъ отъ одного юбилейнаго года до другаго. Черезъ каждыя 50 лѣтъ наступалъ юбилейный годъ, въ который происходило передѣлъ всей земли и всѣ, принадлежащіе колѣну, снова получали свои участки (ib.). Это первобытное устройство, вѣроятно, сохранялось до эпохи царей, потому что Самуиль пророчествовалъ, что короли возмутъ у народа лучшія земли и отдадутъ своимъ слугамъ. (Перв. кн. Цар. гл. VIII).

Второй восточный народъ, о родовомъ устройствѣ котораго мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя данныя—это индѣйцы.

Въ моментъ завоеванія, индѣйцы образовали нѣсколько племенъ, находившихся въ степени первобытнаго родового устройства. Эти племена совершили завоеванія отдѣльно, такъ что Индія никогда не составила единаго государства. (Dunker. Gesch. des Altert. t. I). Послѣ завоеванія, каждое племя раздѣлило землю между своими родами, которые образовали общины, съ общимъ пользованіемъ землею. Древнѣйшее индѣйское законодательство, Ману, сохраняетъ ясное указаніе такихъ учреждений. Поземельная собственность находилась въ обладаніи цѣлыхъ деревень или городовъ, что видно изъ предписаній Ману, на случай, когда зайдетъ споръ о правѣ собственности между деревнями. „Когда возникнетъ споръ между двумя деревнями о границахъ, тогда король въ извѣстный мѣсяцъ долженъ опредѣлить эти границы. Споры этого рода должны быть рѣшаемы допросомъ старожиловъ. Эти старожины должны быть допрошены въ присутствіи большого числа крестьянъ, изъ обѣихъ сосѣднихъ общинъ. (Ману. гл. 8, стр. 245 и 254). Изъ первобытнаго искусственно-родового устройства у нѣкоторыхъ племенъ власть короля сдѣлалась деспотическою, у другихъ, наоборотъ, выработалась аристократія, стоявшая около короля, ограничивая его власть и захвативъ въ свои руки поземельную собственность (Dunker. t. I p. 19). Но даже и въ позднѣйшее время сохранились остатки общиннаго устройства

у тѣхъ племенъ, у которыхъ не образовалось аристократіи. Такъ, во многихъ индѣйскихъ княжествахъ есть и до сихъ поръ общины, владѣющія сообща землей, имѣющія своихъ судей, надсмотрщиковъ надъ водою и полями, которые получаютъ свое содержаніе отъ общины, частію посредствомъ участка земли, а иногда частію жатвы съ общинныхъ полей. (Dunk. t. 1, p. 104). Рядомъ съ крестьянской общиной уже въ древнѣйшее время существовала и отдѣльная собственность въ рукахъ жрецовъ и воиновъ. Законы Ману, дозволяя жрецамъ питаться сборомъ плодовъ, въ тоже время запрещаютъ имъ заниматься земледѣліемъ, что показываетъ, что они должны были или отдавать въ аренду земли, или обрабатывать ихъ посредствомъ рабовъ. (Lois de Manu. ch. IV). Въ другихъ мѣстахъ, законы Ману, допуская приобрѣтеніе земли давностію, допускаютъ предположить, что и крестьяне могли имѣть собственность (гл. VIII стр. 149, 222). Эти различные способы владѣнія землей показываютъ, что уже въ древнѣйшія времена индѣйская община удержалась не вездѣ; во многихъ мѣстахъ на ея развалинахъ образовалась индивидуальная собственность.

Весьма близкую связь съ родовымъ бытомъ имѣли классическія цивилизаціи Греціи и Рима. Исторія маленькихъ греческихъ городскихъ республикъ и ихъ учрежденія показываютъ, что они выработались подобнымъ же образомъ, какъ и негритянскія республики Африки. Учрежденія Спарты весьма близко напоминаютъ намъ устройство негритянскаго племени Крузь и составляютъ его дальнѣйшее развитіе. Какъ въ Спартѣ, такъ и у племени Крузь, высшая власть принадлежитъ собранію старѣйшинъ, а собраніе остальнаго народа играетъ подчиненную роль. Древняя Спарта раздѣлялась на три племени или колѣна, которыя раздѣлялись на обе, административныя участки, за которыми скрываются древніе роды. Орестъ Мюллеръ и Бекъ предполагаютъ, хотя это предположеніе и не раздѣляется Гротомъ, что въ древности каждое племя раздѣлялось на 10 обе, такъ что всѣ три племени образовали 30 обе, число спартанскихъ сенаторовъ. (Grote. Hist. de la Gr. t. 3 p. 285). Идея общности земли въ Спартѣ выработалась въ особое учрежденіе, въ формѣ общихъ столовъ. Самое преданіе о дѣлѣжъ земель, сообщаемое Плутархомъ, можетъ имѣть смыслъ, какъ первоначальное дѣленіе при завоеваніи, которое позднѣе могло быть регулировано Ликургомъ.

Еще болѣе замѣтные слѣды родоваго устройства мы находимъ въ учрежденіяхъ Аѳинъ.

Въ основаніи аѳинскаго государства лежали четыре племени. Каждое племя раздѣлялось на три фратріи, каждая фратрія дѣлилась на 30 родовъ, такъ что все государство дѣлилось на 4 племени, 12 фратрій, 360 родовъ и 10800 семействъ. Это дѣленіе, очевидно, искусственное, въ под-

ражаніе временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, но за нимъ должно скрывать-ся первобытное естественное родовое устройство. Гротъ, отрицая численную правильность этого дѣленія, тѣмъ не менѣе признаетъ дѣленіе на племена, роды и семейства. „Основой дѣленія, говоритъ Гротъ, было семейство; большее или меньшее число семействъ составляло родъ. Этотъ родъ былъ подобіемъ клана, потому что имѣлъ особыя религиозныя церемоніи, общія всѣмъ членамъ рода; во 2-хъ, родъ имѣлъ общія мѣста для погребенія; въ 3-хъ, обоюдныя права въ отношеніи наслѣдства; въ 4-хъ, обоюдныя обязанности поддерживать обвиненія, если одинъ изъ членовъ рода былъ убитъ; въ 5-хъ, члены рода имѣли ближайшее право жениться на дѣвушкѣ сиротѣ, наслѣдницѣ родового участка земли; въ 6-хъ, существовала особая родовая казна. (Grote t. 4 p. 95). Роды, говоритъ далѣе Гротъ, составляли компактные тѣла, какъ въ отношеніи имуществъ, такъ и въ отношеніи личностей. До времени Солона никто не имѣлъ права завѣщать свое имущество. Если кто либо умиралъ бездѣтнымъ, члены рода наслѣдовали его имущество, что соблюдалось и послѣ Солона, если умирающій не оставлялъ завѣщанія. Если кто либо изъ членовъ рода оставлялъ послѣ себя бѣдную сироту, то родъ долженъ былъ доставить ей приданое (ib. стр. 107).

Первоначальная исторія Рима напоминаетъ намъ другую форму первобытныхъ государствъ, форму, которую мы видѣли у американскихъ прокезовъ, — это союзъ трехъ разноплеменныхъ народовъ, образовавшихъ единое государство. Два различныхъ племени, латинское и сабинское, жили рядомъ, на двухъ холмахъ, образуя самостоятельныя, искусственно-родовыя государства. Каждое имѣло своего князя и свой совѣтъ старѣйшинъ. Соединеніе обоихъ племенъ неизгладимыми чертами сохранилось въ памяти народа, потому что въ Капитоліи долго показывали мѣсто, гдѣ былъ домъ Тація (Niebuhr Hist. t. I, p. 268). Когда соединились два города на равной ногѣ, они построили на пути отъ одного къ другому двойной янусъ для того, чтобы имѣть сообщеніе между собою и въ тоже время оставаться отдѣльными, такъ какъ каждый городъ имѣлъ свои особыя ворота (ib. стр. 270). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе обоюдныхъ браковъ и общаго культа, это соединеніе укрѣпилось и изъ двухъ племенъ образовалось одно государство, имѣвшее одного князя и общій сенатъ, состоявшій изъ представителей родовъ. По соединеніи, оба племени стали носить названія трибъ, Ramnenses и Titienses, во имя двухъ предполагаемыхъ родоначальниковъ. Къ этимъ двумъ племенамъ впоследствии присоединилось третье — этрусское. Но изъ этихъ трехъ племенъ два остались преобладающими, а третье на свою часть получило не всѣ права. Всѣ три племени были уравнены въ томъ отношеніи, что

каждое изъ нихъ посылало въ общее собраніе одинаковое число представителей родовъ. Каждое племя раздѣлялось на роды или *gentes*. Эти роды, конечно, уже въ моментъ образованія единого государства были искусственными родами или колѣнами, на что указываетъ равное ихъ число, по 100 родовъ для племени. Каждое племя прежде своего соединенія считало землю, на которой оно сидѣло, своею землею. Каждое племя, соединяясь въ цѣлое римскаго народа, отдавало свои земли ему и получало ихъ обратно для пользованія. Изъ этихъ племенныхъ земель образовался римскій *ager publicus*. (Niebuhr. t. 2 p. 187). *Ager publicus*, священная земля, принадлежавшая государству, находилась въ обладаніи родовъ и семей, при чемъ идея принадлежности земли государству нисколько не мѣшала семьямъ продавать свои земли и вообще поступать съ ними какъ съ собственностью. Эта живая идея общаго поля указываетъ на то время, когда роды жили въ первобытномъ коммунизмѣ. Слѣды этого остались даже въ позднѣйшей организаціи *gentes*. „Союзъ, основанный родами, говоритъ Игерингъ, (*Geist des römisch. Rechts t. I, p. 185*) обнималъ все существованіе индивида; всѣ интересы, двигавшіе его жизнь, связывали его съ родомъ, въ которомъ онъ находилъ если не полное удовлетвореніе, то, по крайней мѣрѣ, соединительный пунктъ. Какъ въ почитаніи божества, такъ и во время войны, въ моментъ пользованія политическими правами, индивидъ стоялъ съ родомъ и даже по смерти его тѣло покоилось въ общей родовой гробницѣ. Во время самыхъ священныхъ и серьезнѣйшихъ моментовъ жизни, въ храмѣ и на полѣ борьбы, члены рода стояли рядомъ; стыдъ и честь, счастье и несчастье они дѣлили вмѣстѣ. Связь эта обнаружилась двоякимъ образомъ, частію въ правахъ индивида въ отношеніи рода и обратно. Индивидъ имѣлъ право требовать отъ рода защиты, а родъ имѣлъ право ограничивать волю индивида. Такъ родъ назначалъ опекуна надъ малолѣтнимъ; родъ обязанъ былъ преслѣдовать убійцу члена рода въ судѣ. Родъ обязанъ былъ подавать помощь въ случаѣ несчастія. Послѣ вымершей семьи родъ наследовалъ имущество.

Подобныя же первобытныя формы мы находимъ и у новыхъ народовъ германскаго и славянскаго племени. Въ первомъ и второмъ столѣтіи по Р. Х. все пространство нынѣшней Германіи было занято многочисленными племенами, изъ которыхъ одни уже образовали у себя племенные княжества, а другіе жили отдѣльно, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ. Тотъ же порядокъ вещей мы находимъ у англосаксовъ въ гораздо позднѣйшее время. Въ древнее время Англія раздѣлялась не только на 8 королевствъ, о которыхъ знаетъ исторія, но на огромное число маленькихъ племенныхъ княжествъ, отъ жизни которыхъ сохранились лишь

слабые остатки. Такъ небольшой Кентъ имѣлъ по крайней мѣрѣ два королевства. Королевство Мерція имѣло маленькую область Исксошь, которая имѣла нѣсколько племенныхъ князей. (Kemble. *Die Sachsen in England* p. 120. т. I). Это безконечное дробленіе и безъ того маленькихъ королевствъ указываетъ, что и въ древнѣйшей Англій существовали маленькіе родовые князья и даже простые старшины родовъ. Хотя характеристическія черты родового устройства весьма ясно сохранились, какъ мы увидимъ ниже, въ первобытномъ устройствѣ германцевъ, но многіе нѣмецкіе писатели готовы его совершенно отвергать, создавая для германцевъ особые законы быта. Три характеристическихъ признака показываютъ несомнѣнно существованіе родовой организаціи у германцевъ. Во первыхъ, даже у тѣхъ племенъ, которыя имѣли племенныхъ князей, существовали рядомъ съ ними самостоятельные начальники, которыхъ Тацитъ называетъ *principes* въ отличіе отъ князя, котораго онъ называетъ *rex*. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, Беда, говоритъ о континентальныхъ саксонцахъ, что *non enim habent regem udem antiqui Saxones, sed satrapos plurimos, suae genti praepositos*. (Kembl. p. 116). Эти *principes* или сатрапы Беды очевидно должны быть главы родовъ. Что эти *principes* были выборными въ родахъ, это нисколько не противорѣчитъ сущности родового устройства. Во вторыхъ, германцы имѣли двоякаго рода общественныя собранія: собранія цѣлаго племени, подъ начальствомъ короля, и частныя, подъ начальствомъ *principes*. Дѣла менѣе важнѣйшія, говоритъ Тацитъ, обсуждаются посредствомъ *principes*, важнѣйшія — всѣми. (Tacit. *De mor. ger. sar.* XI). Далѣе онъ говоритъ, что роды даютъ своимъ *principes* небольшіе дары, въ формѣ рыбы и скота (*Ib. sar.* XV).

Наконецъ, въ 3-хъ, на это указываетъ способъ обладанія землей. Даже въ позднѣйшее время роды имѣли марки, т. е. родовыя земли. Даже Вайцъ, вообще отрицающій существованіе родовой системы у германцевъ, признаетъ, „что были въ древней Германіи области, гдѣ члены не ограничивались союзомъ деревни, но имѣли общеніе въ отношеніи пастбищъ, луговъ и даже пахатной земли. (Waitz. *Deutsche Verfassungsgesch.* т. 1. p. 123). Такого рода устройство одно заставляло бы предполагать существованіе первобытнаго родового коммунизма, еслибы на это не указывали прямо Цезарь и Тацитъ. Цезарь прямо говоритъ, что никто у германцевъ не имѣлъ земли въ собственность, но короли и *principes* каждый годъ дѣлили землю между сочленами рода, составлявшими одно цѣлое и жившими вмѣстѣ. Тацитъ говоритъ (гл. XXVI), что земли дѣлились германцами въ племени *per vires* по количеству рукъ, а внутри этихъ *vires* по достоинству. Очевидно, Тацитъ словомъ *vires* означаетъ роды,

принадлежащіе одному племени, которые брали на свою долю большее или меньшее количество земли, сообразно числу членовъ, а въ самомъ родѣ старѣйшіе и аристократы получали на свою долю большее число земли. Писатели, отрицающіе родовой бытъ у германцевъ, весьма простыя и ясныя слова Тацита и Цезаря относятъ къ будтобы существовавшей у древнѣйшихъ германцевъ трехпольной системѣ хозяйства.

Если, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что во времена Тацита германцы находились въ родовомъ быту, даже въ первой ступени этого быта, образуя, какъ мы назвали, естественно—родовыя государства, то есть также всѣ признаки, что они прошли форму искусственно-родового государства и форму первобытно-сословнаго государства.

Уже Тацитъ упоминаетъ о существованіи аристократіи, какъ класса людей, уважаемыхъ за ихъ высокое происхожденіе, и класса рабовъ, не имѣющихъ личной свободы и принадлежащихъ, какъ собственность, извѣстнымъ лицамъ. Существованіе этихъ двухъ классовъ, какъ мы видѣли, возможно и среди естественно-родового государства. Аристократы въ это время суть ничто иное, какъ семьи, уважаемыя за ихъ близкое происхожденіе отъ родоначальниковъ. Точно также и рабы, происшедшіе отъ завоеванія или другихъ причинъ, не были многочисленны и занимались работою на поляхъ своихъ господъ, вмѣстѣ съ своими женами, но этотъ порядокъ вещей могъ держаться до тѣхъ поръ, пока германцы вели полукочевой, полукочевой бытъ. Какъ скоро племена прочно осѣлись, они перешли къ формѣ искусственно-родовыхъ государствъ, т. е. родовыя марки распались и на ихъ развалинахъ образовалась посемейная собственность. Первобытные родоначальники, старики (*Greise*), превратились въ графовъ, съ властію, далеко превосходившею власть первобытныхъ родоначальниковъ. Наконецъ, естественный ходъ вещей завершился тѣмъ, что большая часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ должны были отдать земли графамъ и изъ свободныхъ людей превратиться въ крѣпостныхъ.

Наконецъ, подобный же процессъ развитія мы можемъ указать у первобытныхъ славянъ. Въ географическихъ запискахъ мюнхенской рукописи, составитель которой жилъ въ концѣ 9-го вѣка, находится исчисленіе славянскихъ племенъ, при чемъ авторъ почти о каждомъ незначительномъ племени говоритъ, что оно имѣло 70 и даже 200, 300 и 400 *civitates* — слово, подъ которымъ онъ, вѣроятно, разумѣлъ первобытныя родовыя государства. (Шафарикъ. Слав. Древ. т. 2, кн. I, стр. 216). Современные писатели отъ 6 до 10 вѣка, какъ Прокопій, Титмаръ Мерзербургскій и Константинъ Порфирородный говорятъ, что славяне не знали наследственныхъ князей, но ихъ роды управлялись старостами на родовыхъ собраніяхъ. Для родовой земли славяне имѣли

собственное названіе жупы, соотвѣтственное нѣмецкому Gau, потому что въ жупѣ жило нѣсколько родовъ. Жупы состояли изъ города и прилегающей къ нему области; вотъ почему, вѣроятно, мюнхенскій географъ говоритъ о славянскихъ civitates. Никакихъ подробностей о внутреннемъ устройствѣ жупъ мы не знаемъ, но, вѣроятно, ихъ организація была подобна организаціи того, что мы назвали естественно-родовое государство.

Гораздо рельефнѣе видѣнъ второй моментъ развитія, когда жупы сами сдѣлались частями искусственно-родового государства. Въ особенности это видно въ исторіи сербовъ и чеховъ, которые сохранили славянскую жупу. Въ 8, 9 и 10 столѣтіи славянскія родовыя государства начинаютъ группироваться около нѣсколькихъ центровъ, что произошло или путемъ союза, вынужденнаго обстоятельствами, или путемъ завоеванія. Во главѣ чеховъ въ 9-мъ столѣтіи стояли герцоги. „Нѣмецкіе аналиты изображаютъ богемскихъ герцоговъ, говоритъ Палацкій (Gesch. von Böhmen t. I, p. 162), не какъ верховныхъ владѣтелей земли и народа, но какъ первыхъ между множествомъ мелкихъ князей.“ Это явленіе объясняется изъ измѣненій, происшедшихъ въ организаціи жупъ. Вѣроятно, уже въ первый періодъ развитія, у славянъ, какъ и у германцевъ, были нѣкоторыя фамиліи, пользовавшіяся особымъ уваженіемъ и называвшіяся лехитами или шляхтичами. Въ древнѣйшемъ устройствѣ, славяне, вѣроятно, обрабатывали землю сообща, т. е. жили въ первобытномъ коммунизмѣ, слѣды котораго остались въ русской общинѣ; за этимъ, по естественному ходу вещей, послѣдоваль второй періодъ, когда земля раздѣлилась между всѣми свободными людьми. Въ это время славянскіе аристократы, какъ и нѣмецкіе, должны были получить на свою долю большіе, чѣмъ другіе, участки земли, потому что въ глубокой древности у славянъ аристократы были большими землевладѣльцами. Весьма естественно, что эти фамиліи пріобрѣли значеніе и сдѣлались князьями въ своихъ жупахъ. Этотъ классъ образовалъ въ Богеміи аристократію, имѣющую первенствующее значеніе. Въ Сербіи обширное государство начало образоваться въ XI вѣкѣ, причемъ князья здѣсь носили титулъ „великихъ жупановъ“; это одно уже показываетъ, что рядомъ съ ними были и простые жупаны. Но въ Сербіи княжеская власть развилась очень быстро и успѣла подавить развитіе аристократіи, сдѣлавъ изъ жупановъ своихъ чиновниковъ.

Но какъ въ Сербіи, такъ и въ Чехіи, второй періодъ, когда въ жупахъ, рядомъ съ большими землевладѣльцами, существовала масса мелкихъ собственниковъ, былъ непродолжителенъ. Уже въ XI и XII вѣкѣ масса свободныхъ чеховъ и сербовъ обратилась въ классъ полусвободныхъ и рабовъ.

Таковъ былъ, мм. гг. ходъ развитія первобытныхъ государствъ у всѣхъ народовъ. Это сходство, почти тожество формъ развитія, мнѣ кажется, ясно сказываютъ на то, что обществомъ управляютъ законы, лежащіе внутри человѣческой природы. Первобытные народы какъ бы сами собою стремятся къ тѣмъ формамъ общественной и государственной жизни, которыя окружаютъ насъ. Чѣмъ болѣе развивается племя, тѣмъ болѣе оно усиливаетъ центральную власть, которая одна даетъ порядокъ и безопасность обществу. Семейство и личность стремятся выдѣлится себя изъ родовъ, чтобы жить индивидуально и самостоятельно.